

Пятничным вечером в уютном доме ярко горел свет. Грант сидел по одну сторону обеденного стола, держа на коленях маленькую Кэтрин, а Морис и Хань Цзин устроились напротив. Стол ломился от изысканных блюд. Моника, старая экономка семьи Норман, приготовила всё в точном соответствии с кулинарными предпочтениями Гранта. Кроме того, Хань Цзин сам встал у плиты, чтобы порадовать Мориса парой традиционных восточных блюд.

Дом сочетал в себе строгий европейский стиль и тёплые восточные элементы. За последние годы под мягким влиянием супруга Морис полностью привык к азиатской кухне. Это когда он был беременным Кэтрин он порой пересиливал себя, лишь бы не расстраивать Хань Цзина, а теперь действительно распробовал эти вкусы.

— А ведь Цинь Юэ в чём-то прав, — заметил Грант, неторопливо подкармливая внучку. В отличие от строгого Мориса, дед баловал девочку без меры и потакал любым её капризам.

Заметив, что отец тянется к графину, чтобы налить Кэтрин ещё один стакан свежавыжатого апельсинового сока, Морис недовольно нахмурился:

— Отец, она уже выпила один. Если нальёшь ещё, она опять откажется от ужина.

— Стаканчик совсем крошечный, ничего страшного не случится. Верно ведь, Кэтрин?

Девочка перевела взгляд с дедушки на отца, оценивая ситуацию, а затем аккуратно взяла стеклянный стаканчик и дипломатично заговорила:

— Я выпью только половинку, а потом честно съем весь стейк на тарелке. Обещаю! Больше ничего просить не буду. — Пользуясь дедовским покровительством, малышка ловко сменила тему: — Дедушка, а кто такой Цинь Юэ? Я его знаю?

— Не знаешь. Он такой же пятизвёздный генерал, как и я, командующий традиционными силами министерства обороны. Он подчиняется напрямую президенту Федерации.

— Значит, ты не можешь им командовать?

Грант весело рассмеялся:

— Не могу. Но и он мной командовать не может.

Кэтрин забавно надула губки:

— Вот когда папа тоже станет пятизвёздным генералом, вас будет двое. Вы быстро с ним справитесь!

— Кэтрин, — негромко, но строго осадил её Морис. Звание пятизвёздного генерала не давалось просто так — за каждым повышением стояли жесткий баланс сил и партийная борьба. Ему меньше всего хотелось обсуждать эти серьёзные политические темы за семейным ужином.

Девочка послушно притихла, но Грант тут же бросился на её защиту:

— А что здесь такого? Ты уже возглавил космическое командование SCE. До моего уровня остался всего один шаг. С твоим потенциалом атланта получить пятую звезду — лишь вопрос времени. Главное — не плыть против течения и не перечить решениям правительства относительно Элохим. Я ведь не раз тебе говорил: не лезь в это. Это согласованное решение двух администраций президента.

— Я знаю, отец. Но активация Звёздных врат на координаты Элохим сопряжена с колоссальным риском. Ты не участвовал в экспедиции миссии SG-I. Ты не видел далёкие галактики, подвластные Руне, не зрел чудо планеты Нордик. Тот мир казался полностью рукотворным творением: симметричные острова неописуемой красоты напоминали гигантские лепестки, распускающиеся вокруг ослепительного Святилища.

— А космические Звёздные врата? Высшая раса Паэтри контролирует планету Uiws, где установлены сразу девять таких порталов! Они — тоже творения Руны. Технологии этого уровня находятся за пределами человеческого понимания. Мы не имеем права рисковать будущим Земли ради призрачного шанса.

— Если нас заметят, человечество ждёт полное истребление, — Морис отложил приборы, его голос звучал глухо и сурово.

Хань Цзин поддержал супруга, обеспокоенно добавив:

— Неужели этот вопрос решён окончательно? Мы ведь отправляли несколько подробных докладов с предупреждениями.

— Всё впустую, — отрезал Грант. — Ваши отчёты — лишь сухие слова на бумаге. Никто из чиновников не видел тех опасностей лично. Зато все видят факты: вы вернулись живыми и невредимыми, привезли с собой инопланетную расу Симо и технологии высокоразвитой цивилизации Камера.

— К тому же после вашего возвращения через Звёздные врата прошло уже четыре года, и за это время не случилось ничего подозрительного. В правительстве укрепилось мнение, что если держать врата закрытыми и не транслировать координаты Земли вовне, Руна никогда не вычислит наш сектор Галактики.

— На другом конце врат — технологии древних Элохим. Для человечества, которое владеет неисчерпаемыми сокровищами Альтеран, но не способно ими воспользоваться, этот соблазн непреодолим.

— Что касается экспедиции на следующей неделе, я лично отстранил вас от участия. Это решение уже утверждено правительством, — Грант замолчал на мгновение, переводя строгий, не терпящий возражений взгляд с сына на зятя.

— Твоя задача, Морис, просто выполнить приказ и запустить Звёздные врата в назначенное время. В разведку отправится отряд смертников. Вернутся они или погибнут — это их выбор и их судьба. Если возникнет хоть малейшая угроза, вы обязаны немедленно разорвать связь.

— Первый долг солдата — беспрекословное подчинение, — заметив, что Морис хочет возразить, Грант мягко привлёк к себе Кэтрин, разряжая обстановку: — У вас растёт дочь. А я уже стар и хочу, чтобы моя семья была в безопасности.

— Вы оба вечно заняты. Кэтрин, тебе не страшно одной дома?

— Не страшно, просто играть не с кем, — Кэтрин прижалась к деду, её мягкие пепельные волосы рассыпались по его плечу.

— Не с кем? Это легко исправить. Пусть твой папа Хань родит тебе братика или сестрёнку. Что скажешь? — добродушно рассмеялся Грант.

— Братика? Сестрёнку? — Кэтрин удивлённо захлопала ресницами и посмотрела на Хань Цзина.

Хань Цзин, всё ещё размышлявший об угрозе Элохим, от такой постановки вопроса едва не поперхнулся. На его лице отразилось крайнее замешательство.

Морис в изумлении замер с вилок в руке.

— Что такое? Ты против? — Грант с улыбкой уставился на зятя, заставив того окончательно смутиться.

— Мы... обязательно подумаем над вашими словами, отец, — взял себя в руки Хань Цзин. Сама мысль о вынашивании ребёнка его не пугала, но внезапный напор свёкра застал врасплох.

— Чего тут думать? Морис подарил тебе Кэтрин, теперь твоя очередь. Наш род угасает, негоже девочке расти одной. К тому же ты моложе, да и званием пониже — со всех сторон твоя кандидатура подходит больше, — хоть тон Гранта и смягчился, его аристократическая властность никуда не делась.

Хань Цзину оставалось лишь послушно кивнуть. Он скосил глаза на Мориса, скрывая лукавую усмешку. Тот сохранял внешнее бесстрашие, но под столом ощутимо ущипнул супруга за бедро.

После ужина Грант ещё немного поиграл с внучкой и в начале десятого вечера уехал, тепло попрощавшись с Кэтрин.

Хань Цзин отнёс сонную дочь в спальню. Моника помогла девочке принять ванну, после чего Хань Цзин присел на край детской кровати, чтобы почитать ей традиционную сказку на ночь.

Не успел он дойти до финала мифа о Пандоре, как Кэтрин, обняв мягкое одеяло, мирно заснула.

Хань Цзин закрыл книгу и нежно погладил пушистые серые волосы дочери. Она росла удивительно умной и чуткой. Перед тем как провалиться в сон, малышка успела сонно заметить, что ящик Пандоры очень похож на проект «Элохим»: люди ведь тоже открывают его, зная, какая опасность таится внутри.

Вспомнив, каким чудом они выжили в миссии SG-I четыре года назад, Хань Цзин тяжело вздохнул. Он бережно прикрыл дверь в детскую и вернулся в их спальню.

Морис только что вышел из душа. Влажные золотые волосы рассыпались по плечам, а из-под белого шёлкового халата проглядывала безупречная кожа, отливающая перламутром. Время словно застыло для него, тогда как Хань Цзин чувствовал, что сам понемногу теряет былую юношескую легкость.

Хань Цзин быстро ополоснулся, переоделся в лёгкую пижаму и встал у раковины, разглядывая своё отражение в зеркале.

На его талию мягко легли тёплые руки — Морис подошёл сзади, тесно прижимаясь к его спине.

— На что ты так смотришь? — Морис улыбнулся, утыкаясь подбородком в плечо супруга. В зеркале отразились их лица — близкие, бесконечно родные.

Хань Цзин накрыл его ладони своими и развернулся в кольце объятий.

— За эти годы ты ни капли не изменился. А я, кажется, старею, — он легонько коснулся пальцами идеального лица Мориса. Сапфировые глаза, сияющее золото волос, гладкая кожа... Для атланта время будто остановилось. Из ежегодных медицинских отчётов Хань Цзин знал, что регенерация клеток Мориса совершенна: погибающие структуры мгновенно заменялись новыми, не знающими износа. — Если однажды я покроюсь морщинами и поседею, а ты останешься прежним... что тогда?

— Что бы ни случилось, я буду любить тебя так же. Помнишь нашу клятву? — Морис увлёк его за собой на просторную кровать под балдахином, нависая сверху.

— Если ты состаришься, я буду вести тебя за руку. Если не сможешь ходить — стану катать в кресле туда, куда ты пожелаешь. — Он склонился ниже, обжигая дыханием ухо. — И даже если тебе придётся уйти первым... я последую за тобой. Мы будем вместе и в небесных чертогах.

— Глупенький, до этого ещё очень далеко, — прошептал Хань Цзин, крепко прижимая его к себе. — Мы состаримся вместе. Увидим, как вырастет Кэтрин... И подарим ей братика или сестрёнку. — Он мягко увлёк Мориса в глубокий поцелуй. — Давай сегодня я буду главным? Уступим воле твоего отца.

— Я не хочу, чтобы ты снова мучился. Думаю пройти процедуру генетической коррекции для зачатия. Как тебе идея?

— Бесполезно, — Морис смущенно нахмурился, пряча взгляд. — Стоит тебе прикоснуться ко мне, как я теряю голову. Сила крови атлантов... против неё нет воли. Я словно безнадёжный наркоман, тоскующий по своей дозе.

Хань Цзин потянулся к прикроватной тумбочке за презервативом, но Морис перехватил его руку.

— Не нужно, — выдохнул Морис, отбирая у него упаковку. — С ним всё не то... Словно чешешь сквозь обувь. Тело просто изнашивает от неуголённого жара, я потом работать нормально не могу.

— Но ведь... — Хань Цзин растерянно замолчал.

— Раньше я ещё мог сдерживаться, эта неудовлетворённость сидела внутри, как заноза. Но после нашего отпуска в Юрике всё изменилось. Словно завязавший наркоман сорвался и снова попробовал чистейший героин.

— Я хочу чувствовать тебя. Твои руки, твои губы... Острое, чистое ощущение, когда ты внутри.

Морис сбросил халат, обнажая безупречное тело, и оседлал бёдра супруга. Они утонули в новом, сокрушительном поцелуе. Изголодавшиеся по близости тела мгновенно нашли привычный, идеальный ритм. В эту ночь они любили друг друга исступленно, до изнеможения. Бархатная кожа горела от прикосновений, тихие стоны срывались с искусанных губ, а волны чистого экстаза уносили сознание прочь, растворяя их в бесконечном, сладком забытии.

Южная оконечность Флориды тонула в бескрайней синеве. Океан сливался с горизонтом,

стирая грань между водой и небом. Ни единого судна не тревожило эту величественную, первозданную ширь, хранившую покой тысячелетий.

Как и четыре года назад, прибрежное шоссе пустовало. Серой лентой оно тянулось почти на триста километров, упираясь в колоссальный грузовой терминал над базой № 9.

Морис заглушил двигатель и вышел из машины. Резкий, солоноватый запах водорослей и влажного ветра ударил в лицо. Внезапный приступ тошноты заставил его пошатнуться. Он поспешно прижал ладонь к губам, хмурясь от дурноты. В голове промелькнула дикая догадка, заставившая сердце пропустить удар.

«Четыре года назад... всё начиналось точно так же. Именно в эти недели я носил под сердцем Кэтрин...»

Он замер, осторожно прижав ладонь к плоскому животу.

— Давненько не виделись, Морис, — раздался тихий, похожий на журчание ручья голос.

Из-за припаркованного фургона вышел Симо, одетый в серо-голубую форму. На нём не было знаков различия, поскольку официальной должности в штабе он не занимал. После недавних родов его черты стали мягче, а его фиолетовые глаза по-прежнему пленяли своей неземной красотой.

Рядом с ним любой человек казался блёклым.

— Похоже, Лэнс пылинки с тебя сдувает, — Морис опустил руку, возвращая лицу привычную холодную невозмутимость, и вежливо улыбнулся.

План правительства сработал безупречно. Ни Лэнс, ни Симо не подозревали о скрытых интригах Совета. Оказавшись рядом, они искренне потянулись друг к другу. Симо, чьё сердце прежде не знало земной привязанности, без памяти влюбился в человека. Ради этой любви он отказался от прежней гордости и полгода назад подарил Лэнсу дочь — Хелен, ставшую живым союзом двух рас.

Однако на дне прекрасных фиолетовых глаз Симо залегла глубокая, неизбывная печаль.

— Хань Цзин ведь тоже заботится о тебе, — тихо отозвался Симо.

— Что с тобой происходит? — Морис вышел из глубоководного лифта, ведущего на базу № 9. Взгляд его упал на изумрудное сияние кристалла Туаой. Обернувшись, он в упор посмотрел на собеседника: — Ты ведь всегда разделял мои опасения. Мы вместе выступали против активации врат на Элохим, против заигрывания с высшими цивилизациями! Почему ты вдруг переметнулся на сторону правительства и выдал им координаты?!

— Элохим миролюбивы. Я ручаюсь за это.

— Ручаешься? Но ты сам говорил, что даже они вынуждены веками скитаться в глубинах космоса, спасаясь от ищеек Руны!

— Руна никогда не находила Элохим...

— Никогда? А если найдёт?! Человечество ждёт катастрофа, по сравнению с которой гибель цивилизации Камера покажется милосердием! — Морис едва сдерживал kloкочущий гнев.

Симо прикрыл глаза и тяжело, надрывно вздохнул. Взглянув на высящуюся впереди арку Звёздных врат, он заговорил, и в его голосе зазвучала невыносимая горечь:

— У меня не было выбора, Морис. Мой ребёнок... Моя дочь Хелен несёт в своём генетическом коде проклятие Руны, наложенное на весь наш род. Она родилась умственно отсталой. Такой же беспомощной, какими стали мои соплеменники после катастрофы...

— Лэнс пытается меня утешить, но я вижу, как ему тяжело. Он не спит ночами.

— Я не могу спокойно смотреть, как моя девочка угасает день за днём! Моё сердце разрывается от боли! Только Элохим способны переписать этот проклятый код и вернуть ей родовую память!

— Если бы твоя Кэтрин оказалась на месте моей дочери... как бы ты поступил, Морис?!

Морис промолчал, не находя слов.

— К тому же, — после долгой паузы глухо добавил Симо, — ваши исследования Атлантиды зашли в тупик. Без модулей нулевой точки древние технологии угаснут, едва мы с тобой состаримся и умрём. Прости меня... Морис.

<http://bllate.org/book/19677/2006487>